

83.3(2=411.2)5-8

B53

СА-405745

П. А. ВИСКОВАТОВ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

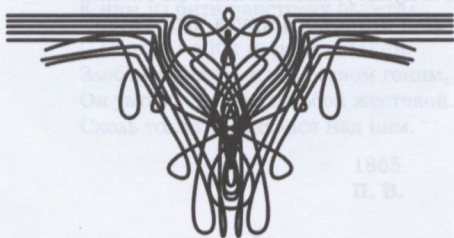
ГБАОС
А^ОС РВ

П. А. Висковатов

БК 70
БЗБ

Висковатов П. А.
Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. — М.:
Гелнос АРБ, 2023. — 384 с.
ISBN 978-5-85438-320-2

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва

«Гелнос АРБ»

2023

са-405745

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Детство и первая юность	5
Глава I	6
Глава II	26
Глава III	38
Глава IV	54
Глава V	65
Глава VI	74
Часть II. Стремления и тревоги молодости (период брожения)	91
Глава VII. Университетские годы	92
Глава VIII. Литературная деятельность М. Ю. Лермонтова в университетские годы	128
Глава IX. Пребывание в школе гвардейских юнкеров	150
Глава X. М. Ю. Лермонтов по выходе из школы гвардейских подпрапорщиков	171
Глава XI. Литературная деятельность до первой высылки на Кавказ (1834–1837)	191
Глава XII	210
Глава XIII. М. Ю. Лермонтов на Кавказе в 1837 году	223
Часть III. Зреющий человек и поэт	239
Глава XIV. Любовь	240
Глава XV	261
Глава XVI	280
Глава XVII	295
Глава XVIII	309
Глава XIX	326
Глава XX. Дуэль	351
Эпилог	364
Послесловие	381

ГЛАВА I

Бабушка поэта Е. А. Арсеньева. — Отец и мать. — Рождение М. Ю. Лермонтова. — Семейная жизнь родителей. — Смерть матери и разлука с отцом. — Детские забавы. — Воспитатели и товарищи детства. — Поездки на Кавказ. — Первая любовь.

Горячо любила Михаила Юрьевича Лермонтова воспитавшая его бабка, Елизавета Алексеевна Арсеньева, и память о ней тесно связана с именем поэта. Она лелеяла его с колыбели, выходила больным ребенком, позаботилась дать ему блестящее и серьезное для того времени образование, сосредоточила на нем всю свою любовь и заботы. В преклонных летах, частью именно из-за этой беззаветной преданности к внуку, пользовалась она всеобщим уважением и не раз успевала отворачивать своим заступничеством серьезную опасность, грозившую поэту. Когда его не стало, она выплакала по нему свои старые очи. Ослабевшие от слез веки падали на них, и, чтобы глядеть на опустыленный мир, старушке приходилось поддерживать их пальцами.

По рассказам знавших ее в преклонных летах, Елизавета Алексеевна была среднего роста, стройна, со строгими, решительными, но весьма симпатичными чертами лица. Важная осанка, спокойная, умная, неторопливая речь подчиняли ей общество и лиц, которым приходилось с ней сталкиваться. Она держалась прямо и ходила, слегка опираясь на трость, всем говорила «ты» и никогда никому не стеснялась высказывать то, что считала справедливым. Прямой, решительный характер ее в более молодые годы носил на себе печать повелительности и, может быть, отчасти деспотизма, что видно из ее отношения к мужу дочери — отцу нашего поэта. С годами, под бременем утрат и испытаний, эти черты сгладились — мягкость и теплота чувств осилили их — хотя строгий и повелительный вид бабушки молодого Михаила Юрьевича доставил ей имя

Марфы Посадницы среди молодежи, товарищей его по юнкерской школе. В обширном кругу ее родства и свойства именовали ее просто «бабушка».

Елизавета Алексеевна, урожденная Столыпина, была дочь богатого помещика Алексея Емильяновича Столыпина, давшего многочисленному своему семейству отличное воспитание. Многие из членов этой семьи представляли собой людей с недюжинными характерами, самостоятельных и даровитых. Сперанский был с ними в самых приятельских отношениях, и они поддерживали дружбу с ним даже и во время его опалы, когда многие боялись иметь к нему какое-либо отношение.

Сам Алексей Емильянович был человек бывалый, упрямый, который состояние свое винными откупам, учрежденными при Екатерине II. Собутельник графа Алексея Орлова, Алексей Емильянович усвоил себе и повадки, и вкусы его. Он был охотник до кулачных боев и разных потех, но все-таки предпочитал театр, который в симбирской его вотчине был доведен до возможного совершенства и, перевозимый хлебосольным хозяином в Москву, возбуждал общее удивление. Актерами были крепостные люди, но появлялись на сцене порой и домочадцы, и гости.

Дочери Алексея Емильяновича, девицы крепкого сложения, рослые и решительные, повыходили замуж уже в почтенном возрасте. Елизавета Алексеевна, бабка Лермонтова, сочеталась браком с гвардии поручиком Михаилом Васильевичем Арсеньевым, который был моложе ее лет на восемь.

Арсеньев был членом большой семьи, владевшей селом Васильевское в Тульской губернии, Ефремовского уезда. Женившись, Михаил Васильевич переехал с женой в имение Тарханы, Пензенской губернии, Чембарского уезда. В Васильевском оставались жить родные сестры его, девицы Варвара и Марья Васильевны, вдовая Дарья Васильевна да четыре его брата. Бывая в Москве и перекочевывая из нее в Пензенскую губернию, Арсеньевы подолгу гостили у них в Васильевском. От брака этого была всего одна дочь — Марья Михайловна. Отец ее, по рассказам, умер неожиданно и при необыкновенных обстоятельствах.

ГЛАВА II

Переселение в Москву и воспитатель Капэ. — Боевые рассказы. — Влияние наполеоновских войн. — Капэ и Ле Гран. — Патриотические чувства. — Недовольство положением дел после 25 года отражается на музе Лермонтова. — Новые наставники. — Поступление в Благородный Университетский пансион. — Его состояние в бытность в нем Лермонтова. — Наставники: Зиновьев, Мерзляков и другие.

Когда Лермонтову пошел 14-й год, решено было продолжать его воспитание в «Благородном Университетском пансионе». В 1827 году бабушка повезла внука в Москву и наняла квартиру на Поварской. Теперь для Мишеля наступила новая жизнь: все пошло по-другому. Шумная рассеянная жизнь заменила прежнюю. В Тарханах и на Кавказе мальчик жил в простой, но поэтической обстановке, с людьми незатейливыми, искренно его любившими. Воспитатель его эльзасец Капэ был офицером наполеоновской гвардии. Раненым попал он в плен к русским. Добрые люди ходили за ним и поставили его на ноги. Он, однако же, оставался хворым, не мог привыкнуть к климату, но, полюбив Россию и найдя в ней кусок хлеба, свyksя и глядел на нее, как на вторую свою родину. И послужил же он ей, став наставником великого поэта.

Лермонтов очень любил Капэ, о котором сохранилась добрая память и между старожилами села Тарханы; любил он его больше всех других своих воспитателей. И если бывший офицер наполеоновской гвардии не успел вселить в питомце своем особенной любви к французской литературе, то он научил его тепло относиться к гению Наполеона, которого Лермонтов идеализировал и не раз воспевал. Может быть также, что военные рассказы Капэ немало способствовали развитию в мальчике любви к боевой жизни и военным подвигам. Эта любовь к бранным похождениям вязалась в

воображении мальчика с Кавказом, уже поразившим его во время пребывания там, и с рассказами о нем родни его.

Одна из сестер бабушки поэта Екатерина Алексеевна Столыпина была замужем за Хастатовым, жившим в своем имении близ Хасаф-Юрта по дороге из Владикавказа. Оно находилось невдалеке от Терека и именовалось Шелковицей (Шелкозаводск), или «Земной рай», как называли его по превосходному местоположению.

С таким названием еще можно было примириться, принимая в соображение несовершенство всего земного. Назвать имение «раем небесным» нельзя было уже потому, что небесное нам представляется мирным, а мира-то в этой местности тогда именно и не было: имение подвергалось частым нападениям горцев; кругом шла постоянная мелкая война. Однако Екатерина Алексеевна так привыкла к ней, что мало обращала внимание на опасность. Если тревога пробуждала ее от ночного сна, она спрашивала о причине звуков набата: «Не пожар ли?». Когда же ей доносили, что это не пожар, а набег, то она спокойно поворачивалась на другую сторону и продолжала прерванный сон. Бесстрашие ее доставило ей в кругу родни и знакомых шуточное название «авангардной помещицы».

С Хастатовой Лермонтов познакомился во время своих поездок на Кавказ, да и сама она приезжала навестить свою дочь М. А. Шан-Гирей, жившую в имении своем Апалиха, близ Тархан. Мишель жадно прислушивался к волновавшим его фантазию рассказам о горцах, схватках удалых, набегам бранной жизни. С другой стороны, говорил ему на подобную же тему Капэ, да и вообще тогда все жило еще воспоминаниями о наполеоновских войнах.

То было на Руси время удивительное — эти годы после отечественной войны. Давно Россия на земле своей не видала врагов. Долгий и крепкий сон, которым спала особенно провинция, был нарушен. Очнувшийся богатырь разом почувствовал свою мощь, познал любовь свою к родине так, как сказала она в нем разве два века назад, в 1612 году, когда стихийные чувства пробудились, смолкла взаимная вражда мелких интересов, перестали существо-

ГЛАВА VII

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ

Поступление в университет. — Профессора и студенты. — Кружки. — Лермонтов среди товарищей. — Холера. — Отношение к вестям о революции во Франции и беспорядках в Польше и Новгороде. — Интересы студенчества, Белинского и Лермонтова. — Симпатии к Полежаеву. — Миловская история. — Столкновение с профессорами. — Выход из Московского университета и попытка вступить в Петербургский. — Перемена карьеры. — Поступление в Школу гвардейских юнкеров. — Лермонтов — питомец университета, а не школы.

Посещение Мишей Лермонтовым Благородного Университетского пансиона прекратилось вследствие его закрытия и переименования в гимназию. Указ о закрытии последовал 29 марта 1830 года, а Лермонтов, вероятно, не пожелавший перечислиться в гимназию, получил увольнение 16 апреля того же года. После некоторых колебаний и планов относительно продолжения воспитания за границей решено было приготовить Михаила Юрьевича к вступительному экзамену в Московский университет. 21 августа 1830 года Лермонтов подал прошение о принятии его в число своекоштных студентов на нравственно-политическое отделение. Через несколько дней, еще в течение того же августа месяца, Лермонтов, по предложению ректора, был подвергнут испытанию в комиссии профессоров, которые в донесении своем на имя правления заявили, что нашли молодого человека достаточно подготовленным к слушанию профессорских лекций.

В то время полный университетский курс был трехлетний. Первый курс считался подготовительным и был отделен от двух последних. Университет разделялся до введения нового устава в 1836 году на четыре факультета, или отделения: нравственно-политическое, физико-математическое отделение, врачебное и словесное. Нравственно-, или эти-

Московский университет

ко-политическое, отделение считалось между студентами наименее серьезным. Лермонтов, впрочем, долго на нем не оставался, а перешел в словесное отделение, более соответствовавшее его вкусам и направлению. По указанию современников, преподавание вообще шло плохо. Профессора относились к своему делу спустя рукава, если и читали лекции, то большинство читало так, что выносить студенту из лекций было нечего. Московский университет был тогда еще накануне возрождения, начавшегося только со второй половины 1830-х годов. Когда учился в университете Лермонтов, то не было уже Мерзлякова. Шевырев, приобретший на первый раз большую, но недолгую популярность, появился на кафедре немного позднее, а Надеждин начал читать лишь в 1832 году, и Лермонтов мог слушать его только в последнее полугодие своего пребывания. На первом курсе студенты всех отделений обязательно слушали словесность у Победоносцева, преподававшего риторику по старинным преданиям, по руководствам Ломоносова, Рижского и Мерзлякова. Он читал о хриях, инверсах и автонианах, но главное внимание свое обращал на практические занятия: неуклонно требовал соблюдения правил грамматики, за-

ГЛАВА X

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ ПО ВЫХОДЕ ИЗ ШКОЛЫ ГВАРДЕЙСКИХ ПОДПРАПОРЩИКОВ

Кутежи и шалости. — Монго-Столыпин. Дружеская связь его с поэтом. — Лермонтов в салонах петербургского общества. — Е. А. Хвостова. — Женщины — друзья Лермонтова.

Лейб-гвардии гусарский полк, в офицерский круг которого вступил Лермонтов, был расположен в Царском Селе. Бабушка не поскупилась хорошо экипировать своего внука и дать молодому корнету всю обстановку, почитавшуюся необходимой для блестящего гвардейского офицера. Повар, два кучера, слуга — все четверо — крепостные из дворовых села Тарханы, были отправлены в Царское. Несколько лошадей и экипажи стояли на конюшне. Бабушка, как видно из письма ее, писанного из Тархан осенью 1835 года, кроме денег, выдаваемых в разное время, ассигновала ему десять тысяч рублей в год. Арсеньева изредка, обыкновенно на летние месяцы, ездила в Тарханы, проживая большую часть года в Петербурге, где часто и подолгу гостил у нее Лермонтов, охотно покидавший Царское Село для светских удовольствий столицы.

Я теперь езжу в свет... чтобы познакомиться с собою, чтобы доказать, что я способен находить удовольствие в высшем обществе.

Пишет он в Москву через месяц после производства в офицеры.

Его несказанно радовало, что он вырвался из стен училища на свободу. Но что начать с собой, куда кинуться, куда направить избыток молодых сил? Он чувствовал себя узником, которому растворили тесную темницу. Ему хотелось на свободу, порасправить могучие крылья, полной грудью дохнуть свежим воздухом; словом, хотелось жить, действовать, ощущать; он хотел изведать все, «со всею пол-

Казармы лейб-гвардии гусарского полка в Царском Селе

с закатом солнца с тем, чтобы обратно к 7 часам утра вернуться на полковое ученье.

По свидетельству Е. Ростопчиной, проказы, шалости и шутки всякого рода после пребывания Лермонтова в школе гвардейских подпрапорщиков сделались его любимым занятием. «Насмешливый, едкий, ловкий, вместе с тем полный ума, самого блестящего, богатый, независимый, он сделался душой общества молодых людей высшего круга; он был запевалой в беседах, в удовольствиях, в кутежах, словом, всего того, что составляло жизнь в эти годы». До самой высылки на Кавказ в 1837 году Лермонтов жил в Царском вместе со Столыпиным на углу Большой и Манежной улиц, проводя, однако, большую часть времени в Петербурге у бабушки. Столыпин невольно подчинялся уму Лермонтова, который, как увидим, и среди рассеянного и веселого образа жизни в кругу товарищей и петербургского света, продолжая жить двойственной жизнью, не оставлял серьезных занятий и интересов литературных. Оба друга имели на офицеров своего полка большое влияние. Товарищество было сильно развито в этом полку и, между прочим, давало одно время сильный отпор притязаниям полковника С., временно командовавшего полком. К Лермонтову, по свидетельству Логинова, дальнего родственника его и часто с ним выдавшегося, начальство тогда уже не благоволило и считало его дурным

фронтовым офицером. Что касается желания Лермонтова проникнуть в аристократическое общество Петербурга, то оно сначала оставалось для него недостижимым, по крайней мере, стать интимным посетителем гостиных ему не удалось. Фамилия Лермонтовых не была известна в тогдашнем высшем свете и сама по себе ничего не представляла. Род Лермонтовых, как уже было ска-

М. Ю. Лермонтов

зано, захудал и обеднел. Молодой, некрасивый, не чрезмерно богатый гусарский корнет ничем не мог привлечь к себе внимания в гостиных и на балах. Положение, которое другие легко приобретали, часто без всяких нравственных преимуществ, Лермонтов должен был завоевывать себе, борясь с большими трудностями. Пока его поддерживали только связи бабушки, имена Арсеньевых и Столыпиных. Сознание, что он некрасив, тревожило самолюбивого юношу.

О душевном состоянии при вступлении в салоны петербургского света Лермонтов в 1835 году писал другу своему Сашеньке Верещагиной в Москву:

Вступая в свет, я увидал, что у каждого был какой-нибудь пьедестал: хорошее состояние, имя, титул, покровительство... я увидал, что если мне удастся занять собой одно лицо, другие незаметно тоже займутся мною, сначала из любопытства, потом из соперничества.

Желание обратить на себя внимание в гостиных во что бы то ни стало было слабостью, недостойной ума и талантов поэта. Он это, впрочем, сознавал, но много времени протекло раньше, нежели сознание это победило самолюбие 20-летнего юноши, желавшего ни в чем не отставать от своих товарищей.

При самом вступлении в свет поэт встретился с девушкой, которая, когда ему было 15 лет, занимала его фанта-

ГЛАВА XVI

Столкновение с де Барантом. — Первая дуэль. — Суд и преследование и защита Лермонтова великим князем Михаилом Павловичем. — Вторая ссылка на Кавказ.

16 февраля 1840 года у графини Лаваль был бал. Цвет петербургского общества собирался в ее гостиных. Тут же находился Лермонтов и молодой де Барант, сын французского посланника при русском дворе. Оба ухаживали за одной и той же блиставшей в столичном обществе дамой.

Встретившись, соперники обменялись колкостями. Де Барант укорял Лермонтова, будто отозвавшегося о нем неодобрительно и колко в присутствии известной особы. Кто была особа эта, ни де Барант, ни Лермонтов и позднее на разбирательстве дела не объяснили, но в обществе имя ее было известно, и по поводу ссоры ходили весьма противоположные слухи. Одни утверждали, что де Барант искал ссоры со счастливым соперником. Другие рассказывали, будто Лермонтов, оскорбленный предпочтением, оказанным молодому французу, мстил за презрение к себе четырехстишием, в котором задел и де Баранта и с цинизмом отозвался о предмете его страсти. Четырехстишие это ходило по рукам в различных вариантах.

Последнее мнение при огромном количестве недоброжелателей Лермонтова было наиболее распространенным. Надо полагать, однако, что оно было выдумкой, по крайней мере, что касается циничного четырехстишия. По свидетельству товарища Лермонтова Меринского, четырехстишие это было писано в виде приятельской шутки еще на школьной скамье, следовательно 7 или 8 лет назад, и относилось к совершенно другим лицам, из которых одно тоже было французского происхождения. Верно только то, что между де Барантом и Лермонтовым произошло столкновение; де Барант с запальчивостью требовал от Лермонтова

объяснений по поводу каких-то дошедших до него обидных речей. Михаил Юрьевич объявил все это клеветой и обозвал сплетнями. Де Барант не удовлетворился, а напротив, выразил недоверчивость и прибавил, что «если все переданное мне справедливо, то вы поступили дурно». — «Я ни советов, ни выговоров не принимаю и нахожу поведение ваше смешным и дерзким», — отвечал Лермонтов. На это де Барант заметил: «Если б я был в своем отечестве, то знал бы как кончить дело». — «Поверьте, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и что мы русские не меньше других позволяем оскорблять себя безнаказанно», — возразил Михаил Юрьевич. Тогда со стороны де Баранта последовал вызов. Лермонтов тут же на балу просил себе в секунданты Столыпина. Секундантом де Баранта был поручик гвардии граф Рауль д'Англес, французский подданный. Так как де Барант почитал себя обиженным, то Лермонтов предоставил ему выбор оружия. Когда же Столыпин приехал к де Баранту поговорить об условиях, то молодой француз объявил, что будет драться на шпагах. Это удивило Столыпина. «Но Лермонтов, может быть, не дерется на шпагах», — заметил он. — «Как же это, офицер не умеет владеть своим оружием?» — возразил де Барант. «Его оружие — сабля как кавалерийского офицера, и если вы уже того хотите, то Лермонтову следует драться на саблях. У нас в России не привыкли, впрочем, употреблять это оружие на дуэлях, а дерутся на пистолетах, которые вернее и решительнее кончают дело». Де Барант настаивал на своем. Положили на том, что дуэль будет на шпагах до первой крови, потом на пистолетах. Для примирения противников, по уверению Столыпина, были приняты все меры, но тщетно, потому что де Барант настаивал на извинении, а Лермонтов не хотел. Дуэль состоялась. Противники со своими секундантами съехались за Черной речкой, близ Парголовской дороги. Шпаги привезли де Барант и д'Англес, пистолеты принадлежали Столыпину. Посторонних лиц при этом не было. В самом начале дуэли у шпаги Лермонтова переломился конец, и де Барант нанес ему рану в грудь. Рана была поверхностная — царапина, шедшая от груди к правому боку. По условию,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**